

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Старый холостяк

Аннотация

«Итак, я остался старым холостяком. Как это случилось, когда я, сколько себя помню, мечтал о счастье, о любви, о семейной жизни?..»

Николай Гарин- Михайловский Старый холостяк

Посвящается З. А. П.

Итак, я остался старым холостяком. Как это случилось, когда я, сколько себя помню, мечтал о счастье, о любви, о семейной жизни?..

...Вот я маленький мальчик. Весенний день подходит к концу. Загнанный в комнаты, я с жадностью прильнул к стеклу окна и не могу оторваться от милого, родного мне вида: сад, грядки, в которых несколько минут еще тому назад я с таким наслаждением копался, дорожки, усыпанные свежим песком, деревья, только начинавшие распускать свои почки. А там, за садом, другие сады соседних дач. Далеко, далеко, за целым лесом деревьев, высоко поднимается какая-то башня. Заходящее солнце горит в ее окнах. Что это за башня? Кто в ней живет? Няня говорит, что это волшебный замок, и в нем живет заколдованная принцесса. Давно зашло солнце, потухли окна волшебного замка, едва догорает розовая полоска на далеком западе, а я все не могу оторваться от чарующего меня вида. Уже сонного укладывает меня няня в кровать, но и в кровати долго еще я мучаю свою старую няню трудными для нее вопросами – и куда солнце зашло, и

что за полоска светится там далеко, далеко, и кто заколдовал принцессу.

И старушка няня, как умеет, отвечает, – что солнце ушло спать, полоска – оттого, что солнышко дверь забыло запечатать, что принцессу заколдовал злой волшебник, которого я убью, когда вырасту, и уйду с принцессой в ту сторону, куда ушло солнышко, где так хорошо, так хорошо, что и сказать нельзя; а что теперь пора спать, потому что все спят: и солнышко, и принцесса, и все умные детки. Я засыпаю, но и во сне чудятся мне нянины сказки... Так вот с каких пор мечтал я о принцессе!

Увы! Не суждено было осуществиться этим мечтам. С какой тоской, бывало, уже взрослым при виде заходящего солнца вспоминал я чудные грезы моего милого, невозвратного детства, с горечью думая о пошлой прозе окружавшей меня жизни. Только раз блеснула предо мной надежда и мне показалось, что я нашел свою принцессу. Давно это было, уж я забыл ее лицо, но чудные бархатные глаза и теперь еще как живые смотрят на меня из далекого прошлого. Я только что вступал в жизнь и впервые испытывал любовь. Может быть, вы пережили, а нет, так переживете это первое чувство, чувство, когда не знаешь, кого больше любишь – ее или тот след, который оставляет на песке ее маленькая ножка; когда не знаешь, чего больше желал бы: жить или умереть для нее.

И вот, когда я так любил, вдруг в самый разгар моей страсти я узнал от моего товарища, что он давно любит ее и не

сомневается во взаимности. Это вызвало страшную борьбу во мне, которая, однако, кончилась тем, что, несмотря на сознание, что мой товарищ имеет прав на нее больше меня, я все ж таки решил объясниться с нею. Мы сидели в саду. В мягком весеннем небе тихо и плавно парил орел.

– Если б вам один человек сказал, что любит вас, – говорил я, следя за полетом орла и весь замирая, – рассердились бы вы?

Я бросил на нее беглый взгляд и заметил, как щеки ее залились румянцем; она опустила глаза и тихо сказала:

– Нет.

– Назвать его? – спросил я, задыхаясь.

– Назовите, – едва прошептала она.

Объяснить вам, как я вместо себя, прежде чем успел что-нибудь подумать, назвал фамилию своего товарища и, не дожидая ответа, вскочил и убежал, – я затруднился бы и теперь. Кажется, самое верное объяснение это то, что моя натура, помимо меня, распорядилась со мной в данном случае. По крайней мере такую бесцеремонность со стороны своей натуры я замечал во всех исключительных случаях моей жизни.

Прошло восемь лет. Я так и не женился. Это произошло, может быть, оттого, что я не мог забыть свою принцессу, а главным образом потому, вероятно, что, служа в глуши, не встретил никого подходящего. Впрочем, я совсем помирил-

ся со своим положением. Я служил главным лесничим на одном из уральских заводов, любил музыку, увлекался охотой, природой, по-прежнему любил с щемящим сердцем смотреть на заходящее солнце и начинал уже мечтать о том, чтобы бросить службу и уехать в мою родовую деревушку, Кротовку, которую мне удалось, наконец, очистить от долгов, и заняться хозяйством, которое, как видите, я страшно люблю. Так шло время, когда однажды я вдруг узнал, что помощником ко мне вместо недавно переведенного был назначен тот самый товарищ, который женился на избраннице моего сердца. Это известие страшно всполошило меня. Чем ближе приближалось время их приезда, тем больше я волновался. То мне казалось, что восемь лет – это срок, в какой всякое чувство, самое сильное даже, должно без следа испариться, то все представлялось мне таким свежим, точно это произошло только вчера, и тогда я думал, что встреча с ней будет тяжела и даже непосильна для меня. Наконец они приехали. При первом же свидании я убедился, что не в силах буду себя побороть. Чем больше я старался забрать себя в руки, тем выходило хуже. Я чувствовал, что меняюсь. Из уравновешенного, спокойного я превратился в раздражительного, ничем не довольного, ко всему придирающегося человека. Когда я не бывал у них, меня тянуло туда; когда приходил, мне казалось, что то он, то она вели себя как-то странно в отношении меня. Особенно коробила меня мысль, что она ему все рассказала. В такие минуты, когда приходила в мою

голову эта мысль, я ревниво и подозрительно следил за каждым его движением, взглядом, словом, и, когда мне казалось, что он все знает, я хватался за шапку и уходил, проклиная и ее и его.

Ее поведение мне казалось неровным и непонятым. То она была со мной холодна и мне представлялось, что она это делает умышленно, для того чтобы доказать своему мужу, что она мной не интересуется. Тогда я готов был ее убить, задушить, наговорить дерзостей. Но вместо всего этого я спешил убежать от нее... Я тогда еще хорошо бегал, и кровь играла в жилах...

Иногда я не мог не сознавать, что в ее глазах, при взгляде на меня, было что-то ласкающее, загадочное, что-то большее, чем обыкновенное участие.

Тогда я не знал, что со мной делалось. Я готов был плакать, смеяться, кричать, броситься перед ней на колени, но обыкновенно кончал тем, что хватал шапку и исчезал в лес. Там я бродил, тысячу раз переживая ощущение от ее взгляда, останавливался, вызывал перед собой ее образ, впивался в ее глаза, которые как огнем жгли меня, кричал ей, что люблю ее, и чувствовал себя близким к сумасшествию.

После этого нападало на меня мрачное отчаяние. Ее приветливый взгляд я объяснял себе пустым кокетством, упрекал ее в бессердечии, ненавидел ее и бранил. От мысли, что я влюблен в нее, мне становилось то жарко, то холодно, и, я дрожал как в лихорадке. Я думал:

«Как? Добровольно отказаться, испугаться намека, для того, чтоб через восемь лет сделать уже настоящую подлость?»

Но чаще мысль, что я люблю ее, жгла мне кровь, и я бес- сильно томился в охватывающей меня истоме.

Иногда эта борьба с собой казалась мне непосильной; я шел к ней с решительным намерением во всем признаться. Но, когда я приходил, я думал только о том, чтобы кто-нибудь, а особенно она, не догадались, что я влюблен. Очень часто вместо объяснения вследствие этого она получала даже оскорбления, которыми я старался показать ей и другим, что я не люблю ее. Я чувствовал, что становлюсь несносным человеком. Кончилось все это тем, что мой помощник под каким-то предлогом попросил перевода. Как ни тяжело было, но и я сознавал, что это – лучшее, что можно было сделать. Отношения наши, сильно обострившиеся было, стали постепенно принимать в виду близкой разлуки более сердечный характер. Наконец был назначен и день отъезда. Муж уехал на несколько дней вперед, чтобы приготовить все к переезду семьи.

В его отсутствие наше сближение пошло еще быстрее. Я не только не боялся этого, как бывало прежде, но, напротив, давал себе волю. Если наши глаза встречались, я не спешил их отводить и мгновение, два, больше, чем следовало, удерживал свой взгляд на ней. Сознание, что и ее глаза под моим взглядом вспыхивали ответным огнем, опьяняло ме-

ня, и кровь, как молотом, била мне в голову. Я чувствовал, что спускаюсь по наклонной плоскости и что не далеко уже то время, когда я не в силах буду сдерживать себя. Но меня успокаивало то, что за недостатком времени, в виду близкого конца, из всего этого ничего не могло выйти. Это было слабое утешение, меня просто-напросто захватило уже что-то роковое, с которым я не мог больше бороться...

Был чудный майский вечер. Только на севере бывают такие вечера. Здесь скупая обыкновенно природа, если уж раскошелится, то и югу с ней не сравниться, да и ценишь это за редкостью больше.

В такой вечер мы сидели однажды вдвоем на берегу пруда, вдали от людей, жилья, а в наших сердцах чутко отзывались и ясный догорающий день, и тихий плеск воды, и этот опьяняющий запах черемухи. Перед нами точно растворялись какие-то таинственные двери. И все это – и синее небо, и молодая зелень, и сверкающая поверхность пруда, и полные неги и страсти трели соловья – точно сливалось в один чарующий душу, всеильный гимн любви. Я как во сне видел ее глаза, помимо ее воли загоравшиеся чудным огнем. Невыразимая истома разливалась по моему телу.

Я уже слышал ответ, который не хотел выслушать восемь лет тому назад.

Оковы, в которых я всю жизнь держал себя, порвались, как гнилые веревки. Я увидел возможность новой, неизведанной еще жизни, полной бесконечного, невыразимого бла-

женства. Все подернулось туманом, сквозь который я видел только ее страстные, чарующие глаза. Что-то невыразимое, бесконечно сильное охватило меня.

– Боже мой!.. – воскликнул я и остановился.

Я хотел ей сказать, что люблю ее, что всегда, всю жизнь одну ее любил, что нет силы во мне терпеть больше, что всякая смерть легче той мучительной жизни, которую я веду.

Но что-то, как тисками, сжало мне горло.

Когда, наконец, вернулась ко мне способность говорить, я сказал ей, что я уезжаю, что решил оставить службу и просить главного управляющего о назначении ее мужа на мое место. Я с ужасом прислушивался к своим собственным словам. Разве это хотел я сказать? Разве это я говорил? Конечно, нет! И она понимала это. Как смотрели на меня ее чудные глаза! Я делал нечеловеческое усилие, но против моей воли мой язык был скован, и я смотрел на нее светлым, но непреклонным взглядом.

«Все кончено!» – сказали ее глаза, и две слезы тихо покапались по ее лицу.

«Все кончено!» – ножом вырезалось в моем сердце, и я без сил упал на траву после ее ухода...

Через неделю я уехал. Они провожали меня. На прощание она подарила меня еще одним взглядом, не чарующим, но долгим и ясным, как был ясен тот чудный день, в лучах которого навсегда скрылся ее образ.

Я ехал как с похорон. В далеком небе, в изумрудной зе-

лени, в смеющейся дали уже не было ее и никогда не будет; но ее последний взгляд, как последний чудный аккорд прекрасной мелодии, наполнял мою душу тихой, ясной грустью о невозможном и невозвратном былом...

С тех пор прошли еще года. Я теперь уже старик и, если хотите, даже не жалею о прошлом. Во-первых, ничто не вечно, – так или иначе жизнь все равно прожита, а во-вторых, лучшее, чем мы обладаем, – способность любить и чувствовать искусство, природу, – сохранилось во мне. Я не испытал, конечно, высшего счастья на земле – семейного, но зато я сохранил тот руль, без которого, кто знает, чувствовал ли бы я в себе ту гармонию, о которой вы говорили.

Я часто люблюсь заходящим солнцем, смотрю на догорающую полосу и думаю, что уже недалеко то время, когда и я уйду в страну, где так хорошо, хорошо, как говорила моя старушка няня.

Я переживаю вновь прошлое и спрашиваю себя: жалею ли, и как бы я хотел поступить, если б ко мне опять возвратилась моя молодость? И я перед отворенными уже для меня дверями другой жизни говорю твердо и решительно: я желал бы поступить сознательно так, как помимо меня поступила моя натура.